

Главная проблема

Инайя Халед

С того момента, как марокканка попала в это странное место, полное чего-то необычного и непредсказуемого, прошло достаточно времени, чтобы любой нормальный человек успел адаптироваться и влился в общий размеренный ритм жизни. Нормальный человек, но не Инайя, которая по прежнему боялась лишней раз выйти из комнаты, боялась столкнуться нос к носу с кем-то из местных жителей, которая просто боялась всего. Странно и сложно понимать все умом, что тут все очень добрые, всегда помогают и объясняют. что тут никто никого не запирает в холодном сыром подвале, предварительно выпоров или еще как-нибудь поиздевавшись. Но рефлексy и привычки остаются, и избавиться от всего этого оказывается невероятно сложно.

А еще Инайя не могла спать. Она просто не привыкла ложиться спать тогда, когда это положено обычным людям. Ее пичкали разными запрещенными веществами, из-за которых сначала не чувствуешь усталости, а потом просто выключаешься. И местное расписание жизни казалось странным. По ночам девушка иногда выходила из своей комнаты и садилась на ступеньки веранды. Она смотрела на звезды, на темное небо, на далекую Луну и мечтала хотя бы когда-нибудь в своей жизни увидеть своих родителей. если они еще живы.

Сегодняшняя ночь не стала исключением. Марокканка аккуратно выглянула из-за двери, прислушиваясь к ночной тишине, чтобы понять есть ли кто-то рядом, или нет. Взяв плед, она подстелила его на ступеньку, закутавшись в то, что осталось. Несмотря на то, что на дворе стояло лето. Инайя все равно мерзла. Иногда, как сейчас. Ее пробивал легкий озноб, словно ветер, которого нет. пронизывает ее насквозь. А еще было тяжело дышать. И кости, внезапно, словно кто-то или что-то выворачивало наизнанку. Возможно, любой более сведущий человек (а заодно и более знакомый с реальностью мира) понял, что это правильно назвать ломкой, но она не понимала. Чувствовала, что организм что-то отчаянно требует, чего-то ему катастрофически не хватает, но никак не понимала чего. Просто согнулась в три погибели, и старалась лишней раз не шевелиться, даже в комнату вернуться было страшно. даже просто пошевелиться.

Виктор Гиббс

Вот как ни крути, а все-таки было в этом местечке что-то удивительное. Виктор уже успел столкнуться с изрядным количеством вещей, реакция на которые у него было однозначная - "Да вы прикалываетесь, ребят!". Лечить руками, в полной антисанитарии, при этом работая на сложнейших переломах? Да не вопрос. Хотя, кажется, Виктор уже повторялся... Но просто его, дипломированного врача, этот факт по-прежнему ужасно беспокоил.

Еще его беспокоила его новая знакомица, пичуга, которую он привел в этот Храм и, вроде как, был за нее некоторым образом ответственным. Нет, официально никто не требовал его ходить за ней, даже наоборот - он все время требовался где-то в другом месте. От работы кони дохнут, а ты, мистер Гиббс, можешь поработать в

виде коня, потаскать бревнышки для стройки, а потом - хоба! - и превратиться в человека, и не сдохнуть, поскольку уже не конь. Логика ж. А то, что потом Виктор лежал пластом, дымил сигаретой, не в силах даже поднять руку и стряхнуть пепел, это вообще не важно. Тренируйся, закаляйся, если хочешь быть здоровым. Хорошо хоть никто курить его не заставлял бросить, ну ей-богу.

В общем, это был очередной замечательный вечер, когда Виктор, выполоскавшись и смыв всю дневную пыль, выскоблив из-под ногтей землю (врачебная привычка - держать ногти короткими и в чистоте) и натерев ноющие мышцы согревающей мазью с пчелиным ядом, завалился спать.

Никто на самом деле не знал, но у некоторых курильщиков была дурная привычка. Вернее, у организма. По крайней мере, у того, что был вверен Виктору в личное пользование. Если хитрый мозг смекнул, что вставать рано не надо и никаких операций на утро не было, он давал веселого пинка его сознанию, будил его и требовал дозу никотина. Виктор, само собой, сначала оценивал перспективы выбраться из-под теплого-теплого одеяла и пойти на холодную (горы же, тут вам не курорт) веранду, выкурить сигаретку и потом уже полезть назад.

В этот раз Виктор открыл один глаз, посмотрел на пачку сигарет, лежащую на сложенных стопкой джинсах и рубашке. Выпростал из-под одеяла руку и попытался дотянуться, но безуспешно. Организм хотел никотина, а Виктор не хотел мерзнуть и шевелиться, потому что стояло вот так рукой пошевелить, и потянутое плечо снова напомнило, что оно потянутое.

Виктор мужественно послал никотиново-голодный организм в заднепроходное отверстие и натянул теплое одеяло повыше. В конце концов, мало ли, кто застанет его на веранде среди ночи. А он будет такой красивый - в трусах и высоких пушистых носках из овечьей шерсти (а вы что хотели - на разгоряченные мышцы простужаться негодно, а при учете того, что спал он хоть и на футоне, но все-таки на полу, это было делом пары часов).

Инайя Халед

Сидеть и не шевелиться. Сидеть и не подавать признаков жизни. Так должно отступить. Так становится легче. так не слишком страшно. Так тебя просто никто не замечает и все проходит. Вот так Инайя и сидела некоторое время, вцепившись пальцами в собственные руки и до боли прикусив губу. Собственная боль, вызванная специально, она немного отвлекает. Раньше отвлекала, когда внезапно начинали чудиться всякие непонятные вещи. Она немного приводила в себя. А еще вода. Иногда становилось легче, если просто умыться холодной водой.

Вода. Холодная вода. Ледяная вода. Точно. Бежать. Она поможет. Но когда бежать? Сейчас? Нет, слишком страшно. Когда?

Дыхание марокканки участилось, оно стало более шумным и каким-то совсем обрывистым, словно легким катастрофически не хватает воздуха. Словно вокруг практически нет кислорода. Совсем.

Инайя сорвалась со своего места и понеслась в свою комнату. В панике она

перепутала двери, ворвалась в соседнюю, где мирно отдыхал ее спаситель. Человек, которому она обязана до конца жизни. Человек, ради которого она пойдет на все. Но об этой небольшой ошибке девушка пока что не догадывалась. Она просто захлопнула за собой дверь, громче, чем она того требовала, и прижалась к ней спиной, постепенно сползая вниз. Сердце задавало какой-то невероятный ритм, за которым не поспевали ее мысли. Только чувство, что ей срочно что-то нужно, что-то жизненно необходимо, потому что вновь начинаешь задыхаться.

- Вода, - сорвалось с ее пересохших губ. Марокканка буквально на карачках направилась к комоду, на котором всегда стоит кувшин с водой и небольшой таз, перемещаясь практически на ощупь и снося какие-то непонятные вещи.

Виктор Гиббс

Сну только удалось войти в свои права, и Виктору, кажется, даже стало что-то сниться, когда случилось странное и непонятное. Он дремал, сквозь сон слыша какие-то посторонние звуки: кто-то протопал босыми пятками по деревянному настилу веранды, что не редкость здесь (он уже давно привык, что некоторым не спалось, и они выходили на свои тренировки чуть свет), зашуршала сдвигаемая в сторону дверь (ха, это они называют дверью?), и...

В общем-то, дальше сонный мозг зарегистрировал очень подозрительные и громкие шумы, паранойя мигом врубила сигнал тревоги, свистать всех наверх, и Виктор, ошалевшие вскинувшись на кровати и тараща в темноту, приготовился дорого продать свою жизнь.

В темноте падали с полок прежде заботливо разложенные там инструменты, жалобно звякнул о пол скальпель, гулко прокатилась глиняная чашка. На Виктора никто не нападал. Он уже успел вскочить, как был, и принять боевую стойку (то есть, образ нетрезвого боксера) и уставился на смутно угадывающуюся в сумерках фигуру, что шарилась вдоль стены и шкафа.

Ну явно она не Виктора на полке искала. Вот явно.

- Э.., - интеллектуально позвал Виктор. Сощурился. Кажется, в темноте угадывалась знакомая кудрявая голова. - Иная? - несколько удивившись от собственной догадки, спросил Виктор.

И первым же делом стащил с ног пушистые носки и выкинул их в сторону. Ну, чтоб образ не портили.

Мозг все никак не мог сделать логическое заключение, почему Иная оказалась в его комнате, почему она что-то роняла с его полок, и... да и все.

Иная Халед

Сложно контролировать себя, когда сознание отчаянно цепляется за желание быть подавленным. Получается, что именно этого подавления на психологическом уровне сейчас не хватает. Забиваешься в угол, утыкаешься носом в собственные колени и не несешь ни за что ответственность. Нет, сначала тебе что-то вкалывают. Тебе хорошо, даже клиенты кажутся не такими страшными и опасными, даже бьют и

режут не так больно. Больно потом, когда забиваешься в угол. Потому что страшно. Потому что хочется плакать, а слез нет. Просто потому что эти круги Ада повторяются из раза в раз.

А теперь эти бесконечные круги закончились, все стало совершенно иначе, но, в то же время, еще страшнее, потому что жизнь оказалась совсем другой. Не такой, как раньше. И ответственность за себя теперь снова лежит на собственных плечах. И только это страшное чувство, когда все тело будто задыхается от нехватки кислорода, когда ломает каждую мышцу, а мысли путаются настолько, что не понимаешь где ты находишься, напоминает о том, через что пришлось пройти. Сегодня все было еще страшнее. Она до этого уже испытывала подобное, но сейчас это чувство никак не хотело отступать.

Иная нашла воду, но она не была ледяной. Она не могла помочь, у нее просто не получалось. А потом еще и этот голос. Знакомый голос доктора, который ее спас. Марокканка замерла, судорожно глядя по сторонам в поисках мужчины, который неведомым образом оказался у нее в комнате. Сквозь ночную тишину было слышно ее тяжелое прерывистое дыхание.

Виктор Гиббс

Иная ему не ответила, что было, в общем-то, не удивительно - она вообще не отличалась разговорчивостью. То есть, совсем. Причем Виктор даже не знал, от природы ли она была таковой, или это пришло после нескольких лет ада, в котором она оказалась. Одно было понятно - любые ответы приходилось тянуть клещами. То есть, вплоть до того, какие физические ощущения она испытывала, что было важно для диагностики.

Виктор одновременно расслабился - не убивать его сюда пришли, - но вместе с тем, насторожился. Что-то было не так, не стала бы Иная так просто плутать по чужим комнатам в ночи.

Виктор дотянулся до керосиновой лампы, стоявшей в углу на полу, стараясь действовать бесшумно, чтобы не спугнуть Иную, снял стеклянный колпак, тут же отыскал на полу зажигалку с пачкой сигарет, поджег фитиль.

Комната озарилась мутным рыжеватым светом, по стенам заплескали длинные тени. Виктор надел на лампу стеклянный колпак, подкрутил регулятор, чтобы сделать свет поярче, и теперь так увидел Иную.

На вид все было хорошо. Точнее, на первый взгляд. Потом Виктор увидел предостаточно: карие глаза девушки сейчас были черными от расширившихся зрачков, на коже мелко блестели капли испарины, руки у нее явно дрожали, взгляд был стеклянным. Виктор как-то и забыть успел, что ее посадили на наркотики там. Синдром отмены не заставил себя ждать.

Так что не имело смысла спрашивать, что она здесь делала. Нужно было разбираться с тем, что они тут имели.

- Все нормально, - противореча прежней настороженности, Виктор теперь говорил

спокойно. - Ты здесь, и я могу тебе помочь. Тебе больно? - стоило сначала понять, насколько сильной была ломка. Если она уже была на излете, то это одно дело, а если в самом разгаре, компенсация будет совсем иной.

Иная Халед

Страх. Паника. Страх. Снова и снова. Было страшно, что ее снова поймали. Страшно, что снова будут издеваться. Страшно. Почему он оказался в ее комнате? Посреди ночи. Искал ее? Хотел взять плату за спасение? Зачем тогда так? мог просто сказать, она бы отблагодарила. И снова страх. Будто перед ней оказался не Виктор Гиббс, а Кхан. Вода. Марокканка едва не пролила все на пол. Оказалось, что просто поставить все обратно на комод было очень сложно.

- Дышать, - прошептала девушка, сползая по стенке на пол и вновь обхватывая себя костлявыми руками. Как объяснить человеку, которому ты обязана жизнью, что ты задыхаешься просто потому что задыхаешься? Снова обеспокоить его своим существованием и подвергнуть опасности? Нет. Можно просто ограничиться односложным ответом. Все равно на что-то большее она сейчас не способна.

Иная не могла понять от чего ей хуже: из-за того, что не получается насытиться кислородом, или из-за того, что иногда кажется, будто ей выворачивают кости. Было просто плохо. Организм требовал свою дозу чего-то. Но чего? В обычной жизни девушка была довольно сообразительной, но с тех пор, как попала в это рабство, мозговая активность сильно притупилась, отчего сейчас и не получалось сложить две единицы, чтобы получить верный ответ. Она и не пыталась. Просто сидела на полу своей-чужой комнаты, тяжело дышала и боялась лишний раз пошевелиться, пока не станет чуть-чуть полегче.

Виктор Гиббс

Все как по учебнику.

Виктор поставил лампу на пол, затем взял свое одеяло, подошел к девушке, опустился рядом с ней на пол и как можно бережнее потянул ее за плечи поближе к себе, накинул еще теплое одеяло, старательно ее укутывая. Озноб будет ее постоянным спутником на ближайшие несколько дней.

Следующим пунктом было налить таки искомой воды в стакан, вернуться к Инае и протянуть ей, поддерживая, чтобы стакан не выпал из дрожащих пальцев.

- У тебя синдром отмены, - это она и так знала, но лишняя осведомленность и демонстрация того, что Виктор тоже это знал, не помешает. - Это нормально для твоего состояния. Продлится не дольше пары дней, потом будет легче. Я тебе помогу, чем смогу.

По сути, справиться с синдромом отмены было трудно. Можно было давать обезболивающие, но только не опиаты, что было слабым помощником. Можно было колоть миорелаксанты, можно было давать снотворные... в целом, все это было так - слегка облегчающим участь. В крайних случаях вообще вводили в кому. Но в случае с Инаей это, конечно, было исключено.

Инайя Халед

Синдром отмены. Что такое синдром отмены? Когда этот синдром отмены? Почему этот синдром? И почему это нормально? Ах если бы она только знала что это такое, или хотя бы попыталась понять или узнать, то, возможно, все казалось бы проще, особенно когда рядом с ней есть ее доктор, ее спаситель. Но марокканка лишь чувствовала, что ее организм требует что-то, требует настолько безудержно и жаждет это настолько сильно, что становится так плохо. Просто невыносимо. до дрожи во всем теле и до холодного пота. До непреодолимого страха. До сумасшествия от одной мысли о том, что ее снова может кто-то коснуться. Кто-то, кроме доктора.

Но доктору девушка верила, с того самого момента, как он оказался в ее комнате еще там, в Лхасе, когда она пыталась его обслужить, но когда все оказалось совершенно иначе, не так, как обычно. И с того самого момента она доверилась ему. Потом как-то оказалась где-то в горах. потом они встретили богиню, которая им помогла, а теперь вот она живет в своей отдельной комнате, помогает по хозяйству и никто от нее ничего не требует. Ничего из того, что требовали ранее. И люди вокруг все очень добрые и приветливые. И все настолько неожиданно прекрасно, что сознание отчаянно отрицает подобную реальность, как, например, сейчас, показывая странные картины того, насколько все может поменяться.

Виктор Гиббс

Виктор знал, что будет непросто, никто и не говорил о том, что все обойдется. Главное было - пережить этот неприятный момент, а дальше будет лучше. Виктор вспоминал, как сам провел несколько месяцев в реабилитационном центре. Как сперва почти неделю его держали в отдельной палате, пока был острый период, и его там выкручивало и колошматило синдромом отмены, что он думал, что или сдохнет прямо там, или что-нибудь сделает с собой. Но ничего, он справлялся. Мужественно клял врачей, блевал по углам, бился головой о мягкий матрас койки, к которой его периодически пристегивали из опасения, что он все-таки что-нибудь с собой сделает. Потом, правда, полегчало, пристегивать перестали и даже принесли ему почитать книгу, чтобы он мог отвлечься. А потом и вовсе было хорошо - трудотерапия, долгие беседы с психологом и в группе, различные процедуры, и вот он стал практически другим человеком.

Что ж, вряд ли с Инайей потребуются такие же жесткие меры. Единственное, что помнил Виктор из того периода и что было для него удивительно: пока он лежал, боль в костях и мышцах была чудовищной. Если же он бродил по палате, было как-то... не легче, конечно, но по-другому. Организму было легче. Вроде как он что-то делал для спасения себя, куда-то шел, а значит вот-вот полегчает.

- Пройдемся? - предложил Виктор по итогу своих измышлений. В конце концов, полезно, тут вон и воздух другой. Холодно только по ночам, но тонкий шерстяной плед был неплохим способом защититься от холода, отнимать его у Инайи он не собирался.

Инайя Халед

Из холода бросает в жар, из жара в холод и обратно. Марокканка даже близко не

представляла как правильно, по-научному, называется подобное состояние, но нутром чувствовала, а сознанием понимала, что это не очень хороший знак. Организму плохо, он болеет, словно подхватил какой-то вирус, от которого сейчас так отчаянно пытается избавиться. Однако, сейчас она существовала (не жила, а именно существовала) одними ощущениями тела. А тело говорило, что в конкретно данную минуту ему плохо, ему очень жарко, оно задыхается из-за мнимого недостатка кислорода. Предложение доктора выглядело очень заманчиво, а затравленный взгляд на несколько секунд стал более осознанным и спокойным.

Иная легонько кивнула и сделала попытку подняться на ноги, которые теперь отказывались держать ее. Пришлось подниматься по стеночке в буквальном смысле этого слова. Колени подкашивались от слабости (увы, не от трепыхания внутри от всякий возвышенных чувств к этому мужчине), в голове все также стоял туман, но сама мысль о том, что сейчас получится вздохнуть полной грудью, да еще и прохладный ночной воздух, придавала сил. Может быть, все не так страшно и плохо, как кажется?

Виктор Гиббс

Прогулка идеей была неплохой, но, если судить по самочувствию Инайи, самостоятельно она с этим вряд ли справится. Так что Виктор вовремя обхватил ее за плечи, не давая упасть, но и не делая контакт слишком уж навязчивым. Учитывая пережитое ею, любые прикосновения нужно было дозировать и обосновывать. А вот так было в самый раз - чтобы не дать ей оступиться и потерять равновесие, помочь выйти на длинную деревянную веранду, но при этом и не слишком ее ограничивать в свободе.

- Поглядывай под ноги, - посоветовал Виктор, когда они сошли на прохладную землю, мокрую от выпавшей ночью росы.

Откуда Виктор безошибочно определил, что земля прохладная и в росе? Да потому что вышел босиком, откуда же еще. Но бегать за обувью было как-то неразумно, так что Виктор нарек эту прогулку профилактическим массажем нервных точек на стопе и пошел дальше. Здесь недалеко было озеро, и стоило как раз пройти туда. Не спеша, само собой, поскольку целью была прогулка, а не курс на озеро.
